

После того, как Суйюнь оправился, Сан Чэнь покинул Чан'ань. Прежде чем он отбыл, принц Юна даровал Сан Чэню пятьсот килограмм золота. Господин Сан отказался. Цзян Чжэ убедил его, сказав, что золото и шелк не являются оплатой услуг Сан Чэня, а скорее финансовой поддержкой его профессии. Кроме того, Цзян Чжэ отметил, что в мире было много бедных пациентов, нуждающихся в безвозмездном спасении Сан Чэня...

- Династические записи Южного Чу, Биография Цзян Суйюня

Каково это, чувствовать, что тебя вырвали из лап смерти? Это, вероятно, может быть лишь тот, кто испытал это на себе. Поэтому, когда я открыл глаза, хотя все мое тело было онемевшим, и я испытывал тяжёлую боль в груди, я не мог не улыбнуться. С трудом я пошевелил своими четырьмя конечностями, снова испытал приступ боли, еще раз подтвердив, что я все еще жив и не попал в подземный мир. Я застонал. Лишь только мой хриплый голос слетел с моих губ, кто-то уже подошел, чтобы раздвинуть тонкие шелковые парчовые занавески. Внимательно посмотрев, я заметил, что это был императорский врач лет сорока отроду. С трудом я слабо улыбнулся. Приятно удивленный, императорский врач повернулся и позвал: «Дарен Цзян проснулся! Немедленно сообщите господину Сану!».

Впоследствии звук умиротворенных и спокойных шагов достиг моих ушей. Затем я увидел это знакомое лицо надо мной.

Хотя мы не видели друг друга много лет, внешне господин Сан не особо изменился - его волосы были цвета пепла, его фигура - худощавой, его глаза как всегда обладали такой же концентрацией и непоколебимостью. Верно, он был безэмоциональным. В глазах всего мира господин Сан был врачом от Бога, способным творить чудеса, часто переносящим трудности ради лечения бедных от болезней. Однако на самом деле он был негостеприимным и бесчувственным человеком. Я уже видел это в прошлом. В его глазах пациент был расплывчатым и нечетким. Хотя он был невероятно сосредоточен, когда лечил пациентов, понимая все тонкости и изменения болезни, как только пациент выздоравливал, для Сан Чэня они больше не представляли интереса. Если пациенту не посчастливилось скончаться, Сан Чэнь не испытывал грусти или печали. В глазах Сан Чэня различия были лишь между пациентами и здоровыми людьми. Для него пациенты были лишь инструментом, которым измерялись его медицинские познания и навыки. И если были какие-либо исключения, то это был я.

Я до сих пор помню, как мы впервые встретились в прошлом. Мой отец попросил Сан Чэня вылечить его. Сан Чэнь взглянул лишь раз и сообщил, что его болезнь неизлечима. В лучшем случае лечение пролило бы его жизнь на несколько лет. Сначала отец отчаялся, даже задумываясь о том, чтобы не лечиться. Именно я убедил его в обратном, сказав: «Хотя для обычного человека несколько лет - это немного, для нас - отца и сына, это важно. Этот ребенок еще юн, если у меня не будет отца, я неизбежно останусь в ужасном положении. Если отец уйдет так, как он будет спокоен, оставив своего ребёнка в таком положении? Не лучше ли будет, если отец и сын проведут ещё несколько лет вместе? Если Отец испытывает боль и страдание, этот ребенок, естественно, не будет настаивать, но, пока этот ребенок может внимательно и осторожно относиться к вам, Отец не должен испытывать слишком сильных страданий.».

Отец отчаялся лишь на мгновение. Услышав мои искренние слова, он решил обратиться за медицинской помощью. Когда Сан Чэнь услышал мои слова, он только бесцеремонно заметил: «Этот ребенок внимателен и проявляет здравый смысл». Закончив говорить, он остался лечить

отца. Во время его месячного пребывания, он часто учил меня медицине. Однажды я услышал, как он сказал, что у него никогда не было стремлений заниматься медициной для спасения людей. Для него занятие медициной было способом заработать на жизнь. Хотя он и сказал это холодно и бесчувственно, я действительно любил его прямолинейность. Более того, Сан Чэнь терпеть не мог пациентов. К счастью, он был не многословным человеком, иначе, если бы общественность узнала, что этот Медицинский Мудрец из абрикосового леса имел подобные взгляды, это повергло бы всех в ужас.

Увидев господина Сана, я не мог не начать плакать. Это был мой единственный наставник, оставшийся на этой земле. Господин Сан понял мои мысли. Прощупав мой пульс, он слабо сказал: «Суйюнь, твоя рана уже не серьезна. В эти дни ты принял много ценных восстановительных лекарств. Хотя они спасли твою жизнь, они неизбежно были слишком сильны. Сначала тебе нужно медленно поесть. Как только твоя рана будет полностью излечена, я осторожно поставлю тебя на ноги.».

Я вопросительно посмотрел на господина Сана. Он слегка улыбнулся и сказал: «Ты хочешь узнать о принце Юна и о том мальце, который постоянно использовал свою внутреннюю энергию, чтобы продлить твою жизнь? Принц Юна был измотан в последние несколько дней. Я уже заставил его пойти отдохнуть. Сообщается, что Его Императорское Высочество еще не проснулся от сна. Этот твой слуга действительно предан. Однако, видя, что он исчерпал свою внутреннюю энергию и все же отказывался отдыхать, я дал ему таблетку, чтобы он покорно отдыхал. Когда он проснется, это станет прекрасной возможностью для него, чтобы продолжить своё восстановление. Я буду надлежащим образом контролировать его, когда он уединится, чтобы восстанавливаться. У тебя, дитя, есть врожденный порок, который мешает тебе достичь каких-либо успехов в развитии боевых искусств. Он, однако, является гением в развитии боевых искусств. Хотя боевые искусства, которые он тренирует, действительно изысканы и экстраординарны, достичь такого высокого уровня он мог лишь благодаря его выдающимся врожденным талантам. У моих боевых искусств еще нет наследника, так что, как насчет того, чтобы я обучал его? Ты мой полу-ученик. Он верен и предан тебе. Так что, если я научу его своим навыкам, это будет тоже самое.».

Я не мог не обрадоваться. Хотя я не знал глубины боевых искусств господина Сана, по его тону можно было ясно понять, что они не были обычными. Подумав об этом, я понял, что принц Юна, должно быть, был измотан, иначе он не спал бы так долго. Я не мог не стать несколько обеспокоенным. Я быстро схватил руку господина Сана. На его ладони я написал слово «принц». Господин Сан слегка улыбнулся и заметил: «Неудивительно, что Его Императорское Высочество относится к тебе так великодушно и благосклонно. Я уже посмотрел. Не беспокойся.».

Только тогда я расслабился. В этот момент служанка принесла миску лекарства, осторожно помогая мне принять его. После приема лекарства я почувствовал сонливость и потерял сознание вскоре после этого. В течение следующих нескольких дней я только спал и принимал лекарства. Только после того, как прошло семь дней, я больше не нуждался в таком крепком лекарственном бульоне, и я мог бы, наконец, лечь в постели бодрым и с ясной головой.

Я коснулся моей несколько жесткой пары ног, желая встать с постели, чтобы пройтись. Однако мне не позволил господин Сан. Сяошуньцзы изначально собирался прийти ко мне, но кто мог предположить, что он Сан Чэнь остановит его одним предложением: «В мире много экспертов по боевым искусствам, хочешь ли ты, чтобы твой молодой господин страдал от такого рода ран снова?». В настоящее время Сяошуньцзы был в уединении и восстанавливался. Казалось, что, хотя внутренние методы восстановления Сан Чэня были полностью противоположны методам, разработанным Сяошуньцзы, изучение боевых искусств Сан Чэня было более глубоким, чем у

Сяошуньцзы. В результате, он не присутствовал, чтобы ворчать на меня. По крайней мере, никто не беспокоил, прося прощения.

Принц и принцесса Юна один раз принесли Жоулань, чтобы увидеть меня. После этого господин Сан запретил им снова приходить ко мне, заявив, что мне нужно хорошо отдохнуть и не беспокоиться о внешних проблемах. С этого момента, помимо отправки кого-то, чтобы проверить мое состояние, принц Юна больше не приходил. От господина Сана я узнал, что принц Юна лично реорганизовал защиту резиденции, поскольку у предыдущей защиты было слишком много дыр, которые могли использовать эксперты цзянху. Хотя время, потраченное на выздоровление, принесло пользу моему здоровью, оно неизбежно было довольно мрачным. Мне даже не позволяли прикасаться к моим любимым книгам. Господин Сан дал мне несколько даосских писаний, наполненных спокойствием и концепцией бездействия, чтобы я прочёл их и следил за тем, чтобы мой разум был безмятежным. У них были и преимущества; иначе как бы беспокойства в моём сознании значительно уменьшались? Побывав на грани жизни и смерти, я начал спокойно смотреть на многие вещи. Даже тень Пяосян больше не задерживалась в моем сердце. Даже когда она приходила в голову, это были, в основном, сладкие счастливые мысли, а не сокрушенные страдания.

Спустя еще шесть дней господин Сан позволил мне встать с постели. Сяошуньцзы в этот момент также вернулся ко мне. При его поддержке я слегка сделал свой первый шаг с момента моего выздоровления, чувствуя себя мягким и слабым, как хлопок. Я едва сумел сделать круг по комнате, прежде чем начал задыхаться. Это было уже в середине третьего месяца, и некоторые цветы в саду начали расцветать. Хотя в весеннем бризе был намек на холодок, ветер уже не был пронизывающим. Сяошуньцзы приказал слугам окружить павильон во дворе с трех сторон толстыми парчовыми занавесками, чтобы заблокировать весенний бриз. Внутри павильона Сяошуньцзы положил толстый персидский ковёр и поставил мягкий диван, стол и стул. Я удобно лежал на мягкой диване, завернутый в пальто из серебристой лисицы, которое было даровано мне принцем Юна прошлой зимой. Господин Сан сидел в кресле, его глаза были полуприкрыты. Сяошуньцзы был в стороне, заваривая чай. Я одним глотком осушал чаши чая, которые он часто давал мне в руки, все мое тело чувствовало себя комфортно от моих конечностей до моих костей.

Также осушив чашу чая одним глотком, господин Сан слабо улыбнулся и сказал: «Чай, посланный Его Императорским Высочеством, действительно хорош. Суйюнь, принц Юна рассматривает тебя как государственного министра. Кажется, ты не хочешь следовать за мной по пути уединения.».

Я смущенно уставился на него, спрашивая: «Почему господин говорит так? Может быть, вы не согласны с тем, что Цзян Чжэ решил служить принцу Юна?».

«Я решил не обращать внимания на эти мирские дела», - с легкой улыбкой ответил Сан Чэнь. «Принц Юна не глуп. Нет ничего плохого в том, что ты ему служишь. Только из соображений твоего здоровья я желаю тебе уйти с твоего поста и жить в уединении.».

Я спокойно спросил: «С этого момента мое тело больше не может вынести труд и тяжелую работу?».

«Суйюнь, хотя твоя рана была серьезной, пока за тобой ты тщательно ухаживают, через несколько лет ты будешь как новенький.» - ответил господин Сан, качая головой. «В течение следующих нескольких лет, пока ты будешь немного осторожен, не должно быть серьезных проблем. Проблема лишь в том, что болезни сердца трудно лечить. Артерии и вены твоего сердца были повреждены семью эмоциональными состояниями. Если ты не сможешь сохранить

спокойствие в своем сердце, сосредоточившись на своём выздоровлении, я боюсь, что через десять лет твоя ситуация станет безнадежной. Если я правильно поставил диагноз, ты, должно быть, испытал великую радость и страшную печаль, когда ты физически и умственно истощился. В результате ты повредила свое сердце. Кроме того, ты никогда не переставал чувствовать себя огорченным и печальным, тем самым приобретая эту хроническую болезнь. Хотя твои медицинские познания не плохи, даже лучшие врачи не могут лечить себя, что привело к твоему нынешнему состоянию.».

Услышав это, лицо Сяошуныцзы побледнело. Не говоря ни слова, он смотрел на Сан Чэнь. Сан Чэнь слегка покачал головой, вздохнув, более ничего не сказав.

Выйдя из кризиса жизни и смерти, и теперь, услышав эту новость, я, как ни странно, не почувствовал ни малейшей печали в моем сердце. Я безмятежно улыбнулся и сказал: «Это судьба Цзян Чжэ. Даже если я, Цзян Чжэ, когда-то думал о том, чтобы жить в уединении, теперь, когда я получил такую доброту и благоволение от принца Юна, если я не смогу ему отплатить, это оставит меня беспокойным на всю оставшуюся жизнь. Более того, если мой ум неспокоен, то какой смысл в восстановлении глубоко в горах? Этот ученик не смеет скрывать, что я несу бремя мщения за свою убитую жену. Если эта ненависть не очистится, я не успокоюсь. Как я могу жить в уединении? Однако десяти лет достаточно. Этот ученик уверен, что я отомщу и помогу принцу Юна взойти на престол. После этого момента, я буду вести блуждающее существование, относясь к жизни и смерти с безмятежностью, расценивая богатство и честь как мимолётные явления. Разве это не отраднее? Живя такой жизнью, какие у меня будут сожаления, когда я буду умирать?».

Сначала Сяошуныцзы был сер и бледен. Но дослушав до конца, его выражение стало спокойным и умиротворённым. Сан Чэнь взглянул на него, вопрошая: «Ты собираешься также позволить своему господину всё испортить?».

Сяошуныцзы почтительно ответил: «Молодой господин увлекается этим. Этот слуга может лишь действовать согласно его желаниям. В лучшем случае этот слуга может последовать за ним в подземный мир. По-видимому, молодой господин вряд ли будет одинок.».

Хоть он и сказал так, я не был тронут. После того, как я побывал на пороге смерти, мой образ мышления изменился. Если бы Сяошуныцзы умер за меня, тогда я почувствовал бы лишь, что у меня будет друг и компаньон в подземном мире. Более того, с моими методами мне было бы нетрудно гарантировать, что он останется в живых. Поэтому я лишь взглянул на него, слегка улыбаясь, признавая боль, которую он принимал. Для него говорить нечто подобное было лишь способом заставить меня из всех сил стараться прожить несколько лет дольше.

«Хорошо. Я последую твоей логике рассуждений», - сказала Сан Чэнь со слегка кривой улыбкой. «Тем не менее, я возьму на себя ответственность за твоё здоровье в этот период. Впоследствии все будет на тебе.».

«Что? Господин всё ещё хочет путешествовать?» - подозрительно спросил я. «Господин уже так стар. Неужели действительно необходимо. Чтобы господин бродил по четырём углам мира?».

Сан Чэнь равнодушно ответил: «Хотя я старею, я не желаю участвовать в мирских делах. Это место похоже на ревущее море. Я не могу сравниться с вами, молодыми, и я не могу выстоять против этого бурного моря. Тем не менее, мой возраст не мал. На этот раз я намерен вернуться на родину, чтобы жить в уединении. Если у тебя будут какие-то вопросы в будущем, ты можешь найти меня в Пэнлае на Восточном море.».

Я кивнул головой и согласился: «Господин говорит правильно. После того, как ситуация стабилизируется, я тоже хочу поплавать по морям, чтобы посмотреть на великолепный пейзаж горы бессмертных.».

Сан Чэнь заколебался на мгновение, прежде чем спросить: «Суйюнь, твой враг секта Фэнъи?».

Я вздрогнул, тихо спросив: «Почему господин так говорит? Секта Фэнъи является лидером улиня, духовным лидером ортодоксальных сект и основателем Великого Юна. Как я могу стать их врагом?».

«Тебе не нужно беспокоиться, - рассеяно ответил Сан Чэнь. «У меня нет никаких отношений с сектой Фэнъи. Когда мастер секты Фэнъи прославилась, мне было уже сорок лет. Хотя она несколько раз приглашала меня в качестве гостя, я никогда не соглашался. На этот раз она пришла, ища помощи в лечении пациента. Я взглянул и сразу понял, что этот Лян Вань был отравлен ядом, сделанным из «Рассечённой Благодатной Травы». Лекарства от неё не существует. Кроме того, единственные люди в этом мире, которые знают об этом лекарственном ингредиенте, - это только ты и я, мы двое. Поэтому я знал, что это твоя работа. Однако ты никогда ничего не делал без причины. В результате я не сказал им, только заявив, что они могут лишь заботиться о Лян Ване, который однажды вернется к нормальной жизни, только потеряв воспоминания о прошлом.».

Все еще несколько обеспокоенный, я спросил: «Господин не обвинит меня в том, что я так жесток?».

Сан Чэнь слабо улыбнулся, прежде чем ответить: «Я никогда не проявлял интереса к мирским делам. Лишь только эта Рассечённая Благодатная Трава слишком неизбежно зловеща и порочна. С этого момента ты не должен использовать её снова.».

Я продолжал допрашивать его: «Как господин относится к секте Фэнъи?».

Сан Чэнь внимательно посмотрел на меня, прежде чем ответить: «Мастер секты Фэнъи - это жалкий человек. У этих злых людей есть жалкая сторона. Это понятно, если ты вынужден действовать, однако ты не можешь наносить вред своему телу. Если есть вражда, тебе нужно только помнить, кто твой враг. Что касается этой вражды, ее лучше забыть. Она лишь выжжет твоё сердце и разрушит твои кости. Только забыв, ты будешь хорошо лечиться.».

Успокоившись, я слегка поклонился. «Большое спасибо за наставления господина». Единственный человек в этом мире, способный заставить меня капитулировать, уже ясно показал, что он не будет вмешиваться в мои дела. В этом случае, мне было действительно не о чем беспокоиться. Хотя я не знал прошлого между господином Саном и мастером секты Фэнъи, в настоящее время это было несущественно.

Сан Чэнь вздохнул. Всякий раз, когда он видел этого ребенка, он чувствовал, будто их характеры совпадали. Хотя их разница в их возрасте была сродни деду и внуку, и он действительно относился к этому ребенку как к своему внуку, он также знал, что он может изменить намерения этого ребенка. Мастер секты Фэнъи Фань Хуэйяо долгое время беседовала с ним, выпивая вино. Эта женщина была возвышенным и сияющим существом. Хотя он привык жить один, его сердце однажды было взволновано ей настолько, что он даже подарил ей сохранившийся фрагмент Сердца Луны Сутры. Если бы он не дал ей этот фрагмент, то вполне вероятно, что у нее не было бы её нынешних достижений. По крайней мере, ее возвышение замедлилось бы минимум на десять лет. Он никогда не сожалел о своем решении, потому что для него боевые искусства не были важны. Чтобы защитить этого ребенка, который рано или

поздно столкнётся с сектой Фэнъи, он решил передать все свои боевые искусства Ли Шуню. Предположительно, это позволило бы Ли Шуню лучше защитить Цзян Чжэ.

«Я собираюсь уйти.», - равнодушно сказал Сан Чэнь, взглянув на Цзян Чжэ. «Тебе нужно должным образом позаботиться о себе.».

Я быстро ответил: «Это было бы слишком быстро. Было бы лучше, если бы господин остался ещё на несколько дней, чтобы я мог проводить господина на большее расстояние.».

Сан Чэнь слегка улыбнулся и сказал: «Нет необходимости. Ты плохо себя чувствуешь. Нет никакой необходимости провожать меня.».

В этот момент издали раздался громкий голос: «Стой? Кто идёт?».

Подняв голову, я оглянулся. На самом деле это был принц Юна, возглавлявший Сыму Сюна. Я сказал: «Ваше Императорское Высочество, господин Сан готовится уйти.».

Ли Чжи быстро сказал: «Как господин может так спешить? Этот принц еще не отплатил господину за спасение моей жизни в прошлый раз. На этот раз вы спасли управляющего Цзяна. Если вы не останетесь на несколько дней, я боюсь, что все скажут, что этот принц негостеприимен и невнимателен к другим.».

«Не зачем оставаться дольше.», - беззаботно ответил Сан Чэнь. «Суйюнь больше не имеет серьезных проблем. У этого дряхлого старика есть дела, которые необходимо решить. Поэтому у меня нет выбора, кроме как уйти.».

Увидев, что Сан Чэнь твёрд и решителен, Ли Чжи знал, что он не сможет заставить его остаться. Поэтому он приказал слуге принести золотую жемчужину стоимостью в пятьсот килограммов золота, заявив: «Этот принц не смеет насильно задерживать господина. Господин, пожалуйста, примите этот золотой драгоценный камень? Это не для выражения моей благодарности, а скорее, чтобы компенсировать дорожные расходы господина.».

Сан Чэнь мягко отказался: «Суйюнь - мой старый друг. Если бы не Ваше Императорское Высочество, не поскупившееся на драгоценные лекарства, я боюсь, что он давно бы умер. Я не смогу отблагодарить Ваше Императорское Высочество. Как я смею это принять?».

С этим принц Юна отказался отпустить его, неоднократно умоляя господина Сана принять его. Я знал темперамент господина Сана. Не желая видеть их в тупике, я сказал следующее: «Господин, вы должны принять эти деньги. Я боюсь, что будет нехорошо, если станет известно, что Его Императорское Высочество, принц Юна, отказывается оплачивать даже дорожные расходы. Более того, господин часто лечит бедных пациентов. У них нет денег на покупку лекарств, что побуждает господина щедро помогать другим. Господин должен принять эти деньги от Его Императорского Высочества ради них.».

Мои слова попали в яблочко. Хотя сердце господина Сана было холодным, как лед, он тем не менее все же лечил пациентов всякий раз, когда он сталкивался с ними. Естественно и неизбежно, что ему приходилось иногда оплачивать это лечение. Поэтому его кошелек всегда был пуст. К счастью, людей, которых он спас, насчитывалось сотни тысяч. Куда бы он ни пошел, везде были люди, которые охотно принимали его. Однако эти люди, вероятно, не понимали, что господин Сан совершенно не помнил, кто они.

Сан Чэнь посчитал, что слова Цзян Чжэ были разумными, таким образом, приняв деньги, прежде чем уйти. Принца Юна лично его проводил, мне же запретили пойти с ними, и я мог

только беспомощно смотреть, как господин Сан вышел из Холодного Двора. Увы, у меня остался лишь этот наставник на этой земле. Мы были вместе всего несколько дней и уже должны были разлучиться. Эмоциональная боль расставания неизбежно врывается в мои мысли. Те, кто переполнен печалью расставания, могут лишь двигаться дальше.

Проводив Сан Чэня от моего имени, Сяошуньцзы быстро вернулся. Нерешительно он сказал: «Молодой господин, есть ли необходимость исследовать связь между господином Саном и сектой Фэнъи? Я не помню, чтобы это было в разведывательных сообщениях.»

«Нет нужды», - ответил я собрано. «Я отлично знаю характер господина Сана. Раз он сказал, что не будет вмешиваться, значит он не будет вмешиваться. Если мы убьем мастера секты Фэнъи, господин Сан не обидится, пока мы не будем применять чрезмерные методы против секты Фэнъи. Более того, что за человек мастер секты Фэнъи? Даже если бы мы смогли полностью уничтожить секту Фэнъи, вполне вероятно, что мы не смогли бы причинить ей вреда.»

Выражение Сяошуньцзы изменилось, когда он спросил: «Если мастеру секты Фэнъи удастся сбежать в будущем, то не будет ли это означать, что проблема останется неразрешённой? Мы должны найти способ схватить ее.»

Я посмотрел на Сяошуньцзы, слегка улыбаясь. Я сказал: «У меня есть способ, однако, все зависит от тебя. Если ты сможешь защититься от ста шагов мастера секты Фэнъи, не будучи побежденным, тогда у меня будет шанс на успех.»

С непоколебимой решимостью Сяошуньцзы пообещал: «Не волнуйтесь, молодой господин. Я это сделаю.»

Я улыбнулся, кивая головой. «Почему Его Императорское Высочество не вернулся? Он наверняка приехал сегодня, потому что ему нужно было обсудить со мной что-то.»

Выражение Сяошуньцзы сразу стало чрезвычайно странным. Прошло совсем немного времени, прежде чем он ответил: «Только что Его Императорское Высочество получил некоторые новости. Поэтому он не вернулся. Предположительно, он скоро придет.»

Как только он закончил говорить, я уже видел фигуру Ли Чжи, что не дало мне расспросить Сяошуньцзы о том, почему выражение его лица было таким странным.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/2189/161237>